

Очень сволочная профессия

Константин Хабенский: «Путин красивее меня»

Сейчас его лицом (некрасивым, как видится отдельным завистливым мужичином) завешана столица страны. На нас накатывает «Дневной дозор». В прошлом году он триумфально снялся в «Белых рождественниках». В декабре прошла премьера «Гамлета» в МХТ в постановке Юрия Бутусова — там Хабенский сыграл Клавдия. Некоторым кажется, что он сейчас везде, что его многовато, — похоже, такое чувство есть и у него самого. От разговоров он причается. Интервью дает редко. Один раз я про него прочел, что он вообще не любит разговаривать, потому что главного никогда не скажешь. Не правда. Хабенский любит красивые слова и их сочетания. Например: технику авиационного приборостроения и автоматик. Школьник, прочитав такое на дверях питерского учебного заведения, он решил, что это занятие для него. Его хватило на три года: «Почему так быстро захотели быть электроником?» «Понял, что технарь из меня никакой. То есть в теории все понимаю, а на практике ноль. Как честный человек, сдал курсовик и сказал себе: все, я чист». Расслабился с приборостроением и автоматикой, он двинул в артисты. Говорит, это друзья ему так сказали: или-ка ты в артисты! Пошел. Миновало уже гораздо больше трех лет. Пока что Хабенскому это занятие не наскучило.

Блиц

- Сначала я решил: раз уж он так не любит отвечать подробно, сделаем интервью нестандартное. Длинные вопросы и короткие ответы.
- Правда ли, что вы иногда в интервью что-то про себя выдумываете? Например, что собираете коллекцию театральной обуви или еще что-то... Просто потому, что скучно одинаково отвечать на вопросы?
- Правда.
- О личной жизни с вами тоже лучше не говорить, да?
- Да.
- Но вы женаты, и жену зовут Настя?
- Да.
- Вы действительно умеете играть на гитаре?
- Умею.
- И играли на Невском за деньги, но не ради денег, а ради удовольствия?
- Играл.
- Что-нибудь бардовское?

- Рок.
- Ваши главные театральные друзья — Пореченков, Трухин, Зибров?
- Семчев...
- Скажите, после «Дозоров»... иногда все же кажется, что есть иной мир. Не может же быть, чтобы все вот так здесь кончалось. Чтобы только из этого все и состояло. У вас такое ощущение бывает, да?
- Да.
- Но ничего мистического на съемках не происходило?
- Нет.
- Хотя вы суеверны...
- Да.
- Ладно. Теперь поговорим формально, а то ведь так долго можно. Ладно?
- Ладно.

Горошек в черном

- Бывают моменты, когда вы свою профессию ненавидите?
- Почти каждый день. Не буду утомлять вас подробностями «кухни», но профессия очень сволочная. Если у тебя вчера получилось — еще не факт, что сегодня получится. Нужно каждый день приходить и доказывать, что ты именно тот, кого хотят видеть. Именно тот, кто пускай иногда, но способен удивить себя самого. Именно тот, кто может без стыда сказать: я стараюсь работать честно. Совершенно ошибки, исправляю их, делаю выводы, иду дальше. Каждый день надо доказывать, что ты — все тот же. И при этом все лучше.
- Ну, это не только артистам доказывать надо. Только способ доказать разный. Есть вещи, которые ни за что не станете делать перед камерой, как бы вы ни хотели что-то себе или другим доказать?
- В биографии не буду участвовать.
- А за камерой? Вы звезда, лицо общеизвестное. Представьте, приходят к вам с открытым письмом, чтоб вы свою звездную подпись поставили. В поддержку или в осуждение...
- Нет, я не готов.
- А предлагали?
- Были какие-то варианты, но я всегда ухожу от этого.
- Это позиция принципиального одиночки или что-то другое?
- Почему же, я не одиночка. Я готов входить в разные компании, но на профессиональной основе — ради дела, которым я занимаюсь и которое мне

нравится, несмотря ни на что. Но на идеологической почве или на вкусовой — объединяться не люблю. Я делаю свое дело и не считаю себя вправе о чем-то пророчествовать, кого-то учить... оценки рассказывать...

- Собственно, в актерской профессии вы уже успели три жизни прожить — сейчас вот четвертая идет.
- Какие, интересно?
- Первая — в ленинградском самодеятельном театре «Суббота», где вы подвизались, как сами выражаетесь, «театральным горошком». Кстати, какой смысл вы в это вкладываете?
- Это еще называется «люди в черном». Театральная массовка, которая стоит на заднем плане, создает декорацию... Ставил декорации, бежал в ценовке, позже стал какие-то роли получать.
- Вторая ваша жизнь началась в ЛГИТМиКе на актерском курсе Владимира Фильштинского — к нему вы поступили, до того с ходу срезавшись во всех театральных домах Москвы, за исключением ГИТИСа, но туда на второй тур не поехали. Кстати, почему?
- Денег на билет из Питера не хватило.
- На том курсе из Пореченкова, Трухина, Зиброва и вас сложилась актерская команда, которую повел за собой режиссер Юрий Бутусов — сначала в «Театр на Крокодовом канале», рожденный на голум энтузиазме, а затем — во «взрослый» Театр имени Ленсовета. Там началась третья жизнь, отмеченная не только ролями в «Войска» и «Калигуле», но и в перерыве между ними — первым налетом на Москву: вас сманил к себе в «Сатирикон» сам Константин Райкин, пообещав роль в «Кюбждинских перепадках». Почему вы вернулись через полгода? Труппа не приняла или хулух охладил?

— Там очень хорошо, в «Сатириконе». Настоящий семейный дух. Но я ошибся, когда подумал, что смогу начать все с нуля. Терпения не хватило — сидеть и ждать, когда дадут поработать. Я смотрел на Райкина, и мне хотелось делать все то же самое.

- То же самое или свое?
- Свое то же самое. Играть все роли, которые играю он.
- Вы ему об этом не сообщили?
- Зачем? Он же актер — так все понимает. Короче говоря, я сидел-сидел, ждал-ждал. А потом мне все это надоело, и я сбежал. «Сатирикон» — театр одного актера, это не хорошо и не плохо, просто такие правила игры. И надо либо их принимать, либо уходить, а не сидеть-бухтеть.

Прощай, Плахов!

- Правда, что вы ушли из «Убойной силы»?
- Да. Новый сезон снимают без меня.
- Вы приостановили членство в этом клубе или навсегда его покинули?
- Я не знаю, навсегда или на время. Может, какие-то необычайные обстоятельства и заставят меня вернуться. Но пока я вышел из этой игры. Потому что... Сейчас попытаюсь сформулировать... Потому что мне это стало неинтересно.
- Понятная формулировка. А что, был момент, когда вы испытывали к роли опера Плахова настоящий актерский интерес?
- Был. В самом начале, когда мы сочиняли, фантазировали. Чеченский блок тоже был интересен. В Африке мы неплохо повеселились. А потом пошли повторы. И когда ты вынужден отвергать разные предложения только из-за того, что связан обязательствами с «Убойной силой», это начинает понемногу раздражать.
- Раздражение оказалось сильней благодарности? Все же народ-

ную славу вам не спектакли Юрия Бутусова обеспечили, как бы хорошо они ни были. И даже не фильмы Дмитрия Месхиева, какие бы разные роли он вам ни предлагал. Это для вас опер Плахов сделал.

- Я разве отрицаю? Сделаю, спасибо ему. Но я хочу развиваться. Я вообще хочу сейчас больше в театре играть. И потому, он же мне не только славу сделал, но и определенные ее издержки. Я не в обиде, когда со мной заговаривают на улитках, узнают где-то. Не буду врать, что это всегда неприятно. Но я не хочу, чтобы меня это порабощало; зависеть не хочу, понимаю? Мне все-таки надо, чтобы я сам себе сказал: да, здесь — хорошо. И потому, не бывает вечных сериалов.
- А вы читали, будто бы отказались сниматься в «Убойной силе», обвинившись на режиссера Сергея Снежкина, который-де пренебрежительно отозвался о ваших «Дозорах».
- Я даже не разговаривал с ним на эту тему.
- Тогда поговорите, пожалуйста, со мной. Насколько я понимаю, «Дозоры» вам интереснее «Силье». Чем именно?

— Жанр, конечно. Я в таком еще не играл. Потом — технологией. Я когда увидел, что ребята в результате сделали, попал под серьезное впечатление от всей этой технологической истории.

- Но ведь не только технологической, верно? Городецкой-то — живой персонаж.
- Вот он этим и интересен, да. Сочетанием силы и слабости. В нем сила, которая как бы не очень ему и нужна, которая в тягость скорее. И главная задача его — не стать Иным, а вроде как остаться человеком, что несовместимо, конечно. Почему и финал такой, если вы видели. Потом, там чисто профессиональные задачи забылись. Сыграть женщину в мужском теле... Я подобных вещей не делал еще. Театр — он, конечно, более живое дело, менее техническое, артиста там видней. Но «Дозор» с его аттракционами — это опыт увлекательный, не говоря уж о самой странной встрече Нового года, которую мне это кино обеспечило. С ночной премьерой через два часа после курантов.

— Автор-то доволен?

— Нет, это же усталость. Лукьяненко написал Городецкого, который не очень сомневается, сражаясь на стороне добра. В нем все-таки больше от супергероя. Мы с Бекмамбетовым решили, что в кино интересней другой, более приземленный, временами бескомпромиссный, изломанный... Что он должен мучиться все время, выбирать. То он на стороне сына — который Темный, то на стороне женщины, которая Светлая и влюбавок сильнее его... Вторая часть получилась лиричней, в ней меньше быта и едкости, чем в первой. И герой уже совсем не супермен. Я вообще-то не хочу ничего пересказывать, не все еще посмотрели... Но Городецкой во второй истории мне больше нравится. Он там серьезнее.

- Трудная была работа?
- Трудная. Много зимних натуральных съемок, холода много, физическое напряжение большое... Мне было интересно, мне очень симпатичен режиссер, но «Дозоры» — не самое легкое занятие.
- Каким образом вы отдыхаете?
- Ничего экзотического. Читая, лежу в театре, лежу на диване. Экстрима хватает в работе. Я не очень верю, когда человек говорит, что ему доставляет удовольствие только активный отдых. У человека должно быть время лежать, думать, смотреть в окно. Паузы нужны, когда принадлежишь только себе.

«Клавдий мне интереснее Гамлета»

- Вы немало ездили с «Белой гвардией». Как ее принимают?

— Очень хорошо. В Киеве особенно — там это приобрело какую-то дополнительную актуальность. Но и вообще — живой отклик. Это потому, что мы не исторический спектакль делали. Это история про живых людей, вне времени абсолютно. Я не люблю распространяться о театре, потому что иначе у меня бы другая профессия была — критик, например... Мое дело играть, причем желательно играть так, чтобы это нельзя было объяснить словами. Но если уж говорить о «Белой гвардии», то это же история вневременная совершенно. Это история про то, что надо делать, когда ты сидишь в своем доме, а вокруг мир рушится. И оказывается, что рушиться-то он рушится, а делать то, что должно, все равно надо.

- Перейдем к другой мрачной истории — к «Гамлету». Тоже мистика, почти «Дозоры» своего времени...
- Ну, «Дозоры» там только вначале. Когда призрак увидели.
- У вас в спектакле Гамлет и Клавдий — ровесники?

— Да, это принципиальная для нас вещь. Их противостояние приобретает совсем иной вид.

- Вещь принципиальная, но не новая. У Глеба Пауфлюлова 20 лет назад в ленкомовском спектакле эта идея уже поработала.
- Да? Ну, значит, мы не оригинальны.
- Почему же? Бутусов непревзойден. Я помню, как он говорил про вас: Хабенскому обязательно надо сыграть Гамлета. Но вот приходит время, он берется за эту пьесу и дает вам Клавдия.
- Мне сегодня Клавдий интереснее. Мне он кажется сложнее. У него своя трагедия, свой выбор, даже свое понимание о долге, если угодно. И написано, и сказано о нем меньше, чем о Гамлете.

...Вообще на этом актерском теле рубцов хватает. Скажем, еще до «Голо» режиссер Бутусов приступил к «Дон Жуану» с Хабенским в главной роли, но в какой-то момент остановил репетиции — понял, что его актер недостаточно для этой роли взрослый. А через несколько лет взялся за «Идиота», поручил Хабенскому князя Мышкина — и тоже закрыл неродившийся спектакль. Все это послучившееся отсутствует в официальной биографии, которую пишу своему любимому фапаги на самопальном сайте — а жаль. Не помешало бы для объема. Нет там, кстати, и указания на первое появление Хабенского в кино. Меж тем случилось оно не где-нибудь, а у Алексея Германа в фильме «Хрустальный человек».

- Костя, как вы к Герману попали?
- Алексей Юрьевич увидел наш дипломный спектакль «В ожидании Годо». Кажется, он был в экзотической компании. В общем, Герман посмотрел «Голо» и пригласил нас с Мишей Трухиным к себе на «Хрустальный». Это был один из последних съемочных дней, он специально придумал для нас эпизод. Неделю мы ходили открыв рот — наблюдали, как делается большое искусство.
- А вот представить, вам сейчас такое предлагают: мельком, чуть ли не со спины, зато у Германа. У Германа, но мельком. Согласитесь?
- Подумаю.

Дмитрий САВЕЛЬЕВ, «Собеседник».

P.S. Есть один ответ Хабенского, который мне очень нравится и кажется характерным. Дважды одного вопроса актеру лучше не задавать, поэтому я его просто пропустирую. Хабенского спросили, как он относится к комплименту насчет того, что он похож на Путина.

— Путин красивее, — ответил он. Вот в этой интонации он весь.